

Когда он был совсем ещё мальчишкой, часто был голоден и крутился возле кухни. Выдался тяжёлый год, многие в замке недоедали. Там, возле кухни, он и услышал чужой разговор. Даже сейчас помнил каждое слово. Дородная стряпуха сожалела, что юный господин не родился девочкой. Потому что зачем господину два наследника? Тем более, старший подавал надежды. Было бы куда лучше, если бы родилась девочка. Не было бы распрей между ними, и благодаря выгодному браку господин мог бы или упрочить своё положение, или расширить владения. Какой же толк от второго наследника?

Для Баки тогда весь мир перевернулся. И всё, что он почувствовал, это ярость и злость. Он никогда не был близок с братом. Тот чаще колотил его, чем разговаривал. Но слова стряпухи заделали его гордость. К нему обращались все — юный господин Джеймс. Он чувствовал, что всё это вокруг, и замок, и поля, и пастбища — всё его тоже. Он чувствовал себя частью этого. Как вдруг оказалось, что он ничего не получит. Потому что наследовать — это удел старшего брата. И как только он смог найти себе подходящее короткое имя, сразу сменил высокородное «Джеймс» на «Баки». И стал пропадать на площадке у казарм, пытаясь навредить соломенному чучелу тупым, тяжелым для его комплекции мечом. Никто не принимал его всерьёз. Те, кто уже не раз ходил в битву, смеялись над ним, тощим мальчишкой с девчачьей нежной ямочкой на подбородке. Только Брок, совсем ещё молодой, посмеялся да начал учить воинскому делу. А ведь сначала Баки пошёл к казармам просто от злости. На брата, на отца с матерью, на весь мир. Внутри всё кипело, только что пар из ушей да носа не валил — и он поднял меч, и начал долбить им по соломенному чучелу, пока не вывихнул запястье. И на следующий день пришёл тоже, и после, даже боль в обмотанной тряпкой руке не останавливала его. И Брок научил его. Он стал тем, кто прославлял имя Бьюхэннанов далеко за пределами родных земель. Стал тем, кто выслуживался перед королём. И где он теперь? Какой вообще смысл вот так тащить своё жалкое существование из лета в осень, из осени в зиму? Зачем? Даже сейчас, вернувшись калекой, он мог бы потребовать себе должных почестей. Мог бы взять жену, без приданого, но зато знатную. Мог бы нарожать детей или начать копать под брата, чтобы стать одноруким господином земель отца, когда тот наконец отдаст богам свою душу. Он мог бы... И эта возможность вдруг стала едкой, как запах из свиного хлева, разъедала что-то внутри него, что, казалось, уже давно зажило и подстроилось под новую его жизнь. Он шёл, не разбирая дороги и полагаясь только на врождённое чутьё, не давшее ему сгнуться, хотя он не раз молил, мечтал об этом. Чтобы, наконец, всё успокоилось вокруг. Внутри.

Даже добравшись до обжитой поляны, где над припорошенной белой крупницей берлогой вился тонкий дымок, он ещё долго ходил кругами. Думы внутри головы не хотели успокаиваться, сменяли друг друга так быстро, мелькали вспугнутыми птицами. Баки принёс воды из родника, подтянул дров поближе к пологу, и только после нырнул внутрь.

Друид всё так же лежал под своими шкурами, как и ранним утром. Баки видел его белобрысую макушку. А ещё он надсадно, хрипло дышал. И мысли внутри головы вдруг заглохли, вылетели все.

Баки подскочил к шкурам, наклонился ниже, слушая чужое дыхание. Не сразу, но, решившись, положил ладонь на лоб — так делала его мать в детстве, когда он однажды тяжело заболел. И отдёргнул руку. Потому что Стив был горячим. Горяченным настолько, что на миг стало страшно. Совсем быстро промелькнула мысль, что всё правильно. Так будет лучше для всех — чтобы друид заболел и уже не очухался после этой зимы. Тогда Баки смог бы уйти отсюда, не

чувствуя этой тяжести в груди. словно сами боги помогают ему. И сразу после этой мысли Баки с силой сжал кулак и вогнал себе в ладонь ногти. Забегал глазами по берлогу, нашёл деревянный черпачок и зачерпнул ледяной воды. Кое-как приподнял друида, впавшего в беспамятство, и начал поить. Тот глотал через два раза на третий, и его рубашка у горла тут же вымокла от пролившейся воды. Под белой тонкой кожей на шее часто-часто билась жилка.

— Да что же это... — прошептал Баки. Он осел рядом со Стивом, не двигаясь, и никак не получалось собраться, понять, что же ему делать.

— Ещё, — вдруг слабо-слабо донеслось до него. — Пить.

Он тут же подскочил на ноги и вернулся к друиду с полным черпаком воды. Поил его и наклонялся низко, чтобы услышать самое тихое слово. Чтобы не пропустить ничего.

— Завари... лист малины, — наконец, выхрипел Стив и тут же глубоко, надсадно раскашлялся, снова падая в небытие, расслабляясь в руках Баки.

Пришлось уложить его обратно под шкуры, подоткнуть со всех сторон и начинать поиски малинового листа. Хорошо ещё, что друид не задал задание посложнее. Уж лист малины он знал. Вот только найти его среди десятков похожих друг на друга пучков под потолком было непросто.

Настой только закипел, когда Стива вдруг затрясло крупной дрожью. Бессознательный, он начал тихонько поскуливать.

— Холодно... Так холодно, — едва слышно шептал он, скрючиваясь, сворачиваясь в морскую раковину под тяжелыми шкурами.

Баки тут же укрыл его своей, третьей. Тот затих всего на миг, и снова принялся трястись. Смотреть на это Баки не мог, старательно отводя глаза, разглядывая огонь. Противоречивое боролось внутри него. Что-то очень тихо шептало, что он должен уйти и оставить всё как есть, на волю богов. Слушать этот шёпот было невозможно гадко, до явной горечи на языке. Остудив отвар малины, он, как смог, напоил Стива, снова замочив ему рубаху. После, не в силах больше смотреть на дрожащую кучу шкур, Баки тяжело вздохнул и начал раздеваться. Снял всё, оставшись нагишом. И осторожно, словно лез в гадючье логово, подлёг с краю на ложе Стива, ближе к стене. Медленно оттеснил его с середины к огню очага, закрыл глаза ненадолго и поднял шкуры. Стив дрожал, и длинная его рубаха задралась, кое-где облепив влажное тело и обнажив бледные бёдра с острыми тазовыми косточками. Баки тяжело сглотнул вязкую слюну. И, сделав усилие, порвал рубаху от горла вниз, чтобы поскорее снять её со Стива. Откинув тряпку в сторону, резко прижался кожей к коже, обнимая рукой и втискивая в себя, неловко накрывая сверху шкурами — ждать, пока дрожь не утихнет.

Он лежал, прижимая к себе друида со всего своего отчаяния, что теперь захлёстывало с головой. Лежал и слушал хриплое дыхание, редко вырывающийся скулёрж и пока ещё тихие вздохи ветра за шкурой. Он выискал взглядом щербатый глиняный горшок, куда, решил, они

оба будут справлять нужду. Выпростал из-под шкур руку и подтянул его поближе, поставил недалеко над головой. Плоть его предала сразу, как только они с друидом соприкоснулись, как только его жар начал перетекать внутрь тела. Затвердела и встала, лишая любых иллюзий о собственной выдержке. Он не выдерживал. Он оказывался слаб и проигрывал друиду, даже беспмятному, мечущемуся в бреду. Но сейчас это не имело никакого значения. Он чувствовал, как туго свернулся жар внизу живота, но закрыл его словно печной заслонкой и отодвинул подальше. Стив тонкими костлявыми пальцами вцепился в его руку.

Сквозь встрёпанные светлые пряди на макушке друида Баки смотрел на потрескивающий в очаге огонь. Золотой, красноватый, иногда с прозрачной синеватой сердцевинкой. Баки по наитию вдохнул глубже, прижался носом и ясно ощутил, что волосы Стива пахнут горькой полыньёю.

<http://erolate.com/book/3459/83626>